

Глеб Иванович Успенский

После урожая

Глеб Иванович Успенский

После урожая

Серия «Кой про что», книга 8

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665955*

Аннотация

«...В рассказе Успенский показывает две крестьянские семьи, образовавшиеся в процессе расслоения деревни под влиянием развивающегося капитализма: жизнь семьи бедняка, наполненную «недостачами» и «тяжким неусыпным трудом», и семью с «прочным складным крестьянским хозяйством», богатство которой было достигнуто уже не крестьянским трудом, а заработками на стороне. Рассказ интересен и замечательными образами крестьянок: Анны – бедной, но независимой, умной труженицы, и невесты Марфы, которая чертами своего характера – мягкостью, весельем, ловкостью и любовью к труду – может создать в деревенской трудовой семье «тепло» и возбудить в муже «силу на крестьянство»...»

Содержание

I	4
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глеб Иванович Успенский

После урожая

I

Часа в четыре начинавшего уже темнеть осеннего дня выехали мы — я и мой спутник, возница-крестьянин, — из нашей деревни и, свернув с шоссе, медленно поплелись лесом по направлению к одной глухой деревеньке, лежащей от нас верстах в двадцати на неведомой речке, в неведомых лесах. Поездка в эту деревеньку происходила без всякой существенной цели; она была изобретена моим приятелем-возницей просто только для того, чтобы дать мне возможность дня два без скуки и без дела «побыть» в деревне и таким образом хоть немного поочувствовать после томительных дней петербургской осенней жизни.

Иногда действительно петербургская жизнь способна удручать своих невольных обитателей минутами убийственной тоски.

Полсуток весь Петербург молча решает участь всех русских дебрей и всего в них живущего; другие полсуток он отдыхает от своей работы. Будучи каплей в бумажном океане, петербуржец делает то дело, какое ему дадут; точно так же, то есть «как дадут», он и отдыхает. Хорошо, если вечер

даст ему Рубинштейна¹; ну тогда он волей-неволей полетает несколько часов и под небесами и в земных ощущениях помучается до поту, а не дадут Рубинштейна, надо принять и Фельдмана², волей-неволей надо украсть у соседа по театру бумажник, отнести его во второй ярус, словом, надо отдыхать так, как прикажут афиши и дирекции театров. Не будучи самим собой ни в деле, ни в отдыхе, петербуржец только к концу дня получает возможность поступать вполне самостоятельно. Происходит это обыкновенно уже в ресторане, после спектакля, и здесь петербуржец может предъявить действительно собственные свои желания; он может «сам», не слушая ничьих приказаний, без всякого принуждения выбрать себе котлету, или бифштекс, или рыбу, курицу – словом, что только его *душе* угодно. Однако дальше отбивной котлеты, кажется, и в этом отношении дело не пошло. Ждет, ждет лакей, представляет барину полную свободу действий, а твердо знает, что в конце концов ничего, кроме отбивной котлеты, не получится. Но ведь надо и барину подумать о чем-нибудь без помехи. Вот без помехи-то барин и думает только над прейскурантом...

Постоянно, непрерывно исполнять чьи-то приказания как в труде, в заработке, так и в отдыхе и развлечении – такая жизнь иногда может привести в отчаяние человека, желаю-

¹ ...даст ему Рубинштейна... – имеется в виду опера А. Г. Рубинштейна «Демон» (1875).

² Фельдман О. И. – врач, дававший публичные сеансы гипноза.

щего хотя по временам ощущать себя «самим собой», иметь «свои мысли», а не те, которые приказывают иметь газеты, совершать свои самостоятельные поступки, а не те, которые обязывает совершать заработок, – и вот является желание отдохнуть... А где можно лучше всего ощутить себя самого, как не в деревне? Здесь я *сам* вижу, что в ворота вошла чужая собака; я *сам* знаю, что она чужая, потому что она белоухая, не наша; и вот я *сам*, не слушаясь никакой передовой статьи и не ожидая решения какой бы то ни было комиссии, иду на двор, выгоняю собаку, запираю ворота. Эти вполне свободные, самостоятельные поступки возбуждают во мне вполне самостоятельную мысль о том, что в раскрытые ворота могут входить не только чужие белоухие собаки, но и свиньи и прочий скот; моя ничем не стесняемая мысль свободно приводит меня в кухню, где я, не боясь никакой цензуры, говорю вполне самостоятельно и независимо: «Иван! ты бы запер ворота, а то свиньи могут...» Что могут? Да я вот не хочу об этом думать, и никто не вправе требовать от меня решительного ответа – что именно могут сделать свиньи? Тогда как на сеансе Фельдмана я – хочешь не хочешь – а должен либо украсть чужой портсигар, либо кого-нибудь приколоть; а на концерте Рубинштейна я изволь летать в облаках, да из облаков-то он меня швырнет в океан, а потом, мокрого, потащит в замок Тамары – и я не смей пикнуть! То ли дело в деревне! Здесь, в деревне, я имею о том, что вижу, собственное свое мнение, тогда как в Петербурге я дол-

жен постоянно проникаться чужими мнениями и интересами. Почему это в восемь часов утра я должен узнать, что в Цетинью привезли ящик с магазинными ружьями, а Патти³ напела себе тысяч двести денег? Все это, неволю и волю (самостоятельно выгнать со двора белоухую собаку), ощущаешь только в деревне.

Вот такое-то желание ощутить самого себя побудило меня после полутора осенних месяцев прошлого года, проведенных в Петербурге, заглянуть дня на два в деревню. Мой старый приятель-крестьянин, хорошо знавший настроение моего духа в момент таких неожиданных приездов в пустой, нетопленный дом, и на этот раз понял, что ему надо делать; нужно было как-нибудь промаячить два деревенских дня, о чем-нибудь поговорить, куда-нибудь пойти или поехать. И придумал он поехать в глухую соседнюю деревню: там по случаю урожая в первый раз было что-то вроде ярмарки, там, должно быть, идут теперь свадьбы, также по случаю урожая... И самому мне вспомнился тот крестьянин, свалившийся с лошади в пьяном виде, но свалившийся не в грязь лицом, а в рассыпавшуюся из мешка новую муку, которого я видел полтора месяца тому назад, как явление, свидетельствовавшее об урожае, редком госте наших мест... И вот при содействии приятеля-крестьянина и собственных моих воспоминаний об урожае выработалась само собою как бы

³ *Патти* Аделина (1843–1919) – знаменитая итальянская певица, приезжавшая на гастроли в Россию.

некоторая цель и дело: поехать в деревню Гололобово и посмотреть, как там отозвался урожай, нет ли свадеб, какая была ярмарка? Словом, явилось некоторое основание для того, чтобы испечь пирог, захватить разной провизии, уложить все это в телегу, потом запрячь в эту телегу лошадь и тронуться в путь.

II

На дворе темь непроглядная, а в избе одного из гололобовских крестьян жарко и душно. Жарко главным образом от самовара, занятого хозяевами у старосты; самовар огромный, клокочущий, бьющий паром не только в потолок, который уже и запотел, а и по сторонам, угрожая погасить маленькую керосиновую лампочку, прикрепленную к стене. Так как на столе, кроме самовара, есть и водка, и колбаса, и пиво, то, разумеется, есть и «компания»: во-первых, сам хозяин избы, молодой еще парень, только что разделившийся с братом, и его жена, молодая, красивая, но бедно одетая, тихо, но непрестанно озабоченная нуждой женщина; у них двое детей. Девочка четырех лет смотрела на нас с печи, а другого ребенка – мальчика сама мать кормила, стоя около люльки, привешенной к потолку и закрытой ситцевыми занавесками. Изба, в которой мы сидим, весьма недавно сколоченная по бревнышку, не осела, не умялась и была еще сыровата; окна мокнут, и от печки пахнет сыростью, недостатки в хозяйстве видны с первого взгляда; шкафчик, приготовленный для посуды, пуст, в печи никакого варева, кроме картофеля, нет, как объявила нам сконфуженная хозяйка, и видно было, что это обстоятельство сильно ее волновало, видно было, что она «рвалась» выбиться из лап нужды, – мысль об этом непрестанно виднелась на ее озабочен-

ном лбу и в ее озабоченных глазах. Но и то возможное почти в пустом доме благообразие, чистота, опрятность говорили, что эта энергическая работница добьется-таки когда-нибудь уюта в своем уголке, оживит эти пустые стены, голые доски, этот пустой чердак над новыми сенями и полухолодную, полусырую печку.

Кроме хозяина, также как будто стыдившегося своей бедности и недостачи «во всем», кроме меня и моего компаньона – возницы, были в числе «компаний» еще два каких-то мужика: один широкоплечий, с широкой бородой и веселым выражением лица, человек лет сорока пяти; другой – старый человек, уже хилый и ослабелый, живший, как оказалось, со своей старухой «из милости» где придется. Прежде был он пастухом, а теперь плетет лапти и проживает в бане у широкоплечего мужика. Во все время нашего разговора он или молчал, опустив голову, и как будто ничего не слышал, или также молча улыбался и будто внимательно прислушивался.

Из сведений, добытых моим возницей по нашем приезде в Гололобово, оказалось, что завтра, в воскресенье, в доме одного зажиточного крестьянина будут «смотрины» и что, следовательно, завтрашний день будет очень любопытен. В ожидании его мы, «компания», сидели за самоваром и вели случайный разговор, который незаметно склонился к воспоминаниям о недавней ярмарке, впервые бывшей в Гололобове, и, увы, воспоминания эти оказались далеко не веселыми. Неожиданные, непредвиденные случайности, внесенные

ярмаркой в глухой уголок трудной и трудовой жизни, много наделали в ней изъязнов и большой бедой разразились, между прочим, над хозяевами дома, в котором мы заседали с «компанией» и пили чай. Не вдруг выяснилось, что в доме этом – тяжкое горе.

– Какая это ярмарка! – пренебрежительно отвечал мне на расспросы о ярмарке широкоплечий и бородатый собеседник. – Званье одно, что ярмарка... Да и то сказать, ведь впервой... В старые годы никогда в наши места никто не заезживал... Ну, а по нынешнему времени понаехало в наши места много курлянца, да опять урожай бог дал, ну вот кой-какие купчишки и толкнулись... По началу-то она и на ярмарку не похожа... Нашему брату, мужику, она даже нисколько не полезна. Привели пять калек-лошадей, только и всего; разве только вот бабам нашим хлопот наделала... На целый год будет им разговору...

У люльки, где стояла около ребенка жена хозяина, послышался вздох, и этот вздох почему-то заставил нашего хозяина оглянуться на жену. Оглянувшись, он как будто покраснел, сконфузился и, вероятно чтобы замять этот конфуз, принужденно весело сказал:

– Да уж им, бабам, хватит разговору надолго!..

И поспешно припал губами к блюдечку.

– Будем вас помнить! – чуть-чуть послышалось у люльки, но компания пропустила эти слова мимо ушей и усиленно занялась чаепитием.

– Нет, ведь, ей-богу, с этими бабами, – развязным тоном заговорил широкоплечий, – ей-ей, с ними смеху не оберешься! У меня баба трое суток сама не своя: день-деньской взад-вперед мимо красных товаров мычется, а купить ничего не купила. Я говорю: «Чего ты мучаешься?» – «Аршин ситцу купить!» – «Так возьми да купи и опомнись хоть немного». – «Как, говорит, купить; что ни смотрю, все не по вкусу, а который и по вкусу, так, говорит, не по годам... И хорош, говорит, ситчик видела, цветочками и крестиками, да больно весел, а с черным букетом взять тоже что-то неохота, будто еще на свете пожить хочется... Вот и не знаю!» – «Да как же быть-то? говорю. Как же мы с тобою разберемся? Ведь ты окончательно с ног сбилась? Чего тебе аршин-то? Есть что разбирать, взяла да и купила?..» – «Нет, говорит, надо чтоб под лицо подошло, да по вкусу вышло, да чтоб не дорого!» Вот ведь какие неугомонные! Я было сам попробовал с ей пойти, походил, походил, плюнул! На купца жалко смотреть, как они, бабы, его теребят... Роят, роят. «Да вам что нужно-то?» – спросит купец. А баба ему: «Может, меня чем товар приманит... Посмотрю на товар, может, и захочу чего!» Вот какие безбожные: перероеет все, с купца три пота сойдет от усталости, а она взяла да и пошла домой, по вкусу ей не вышло!.. На всех-то баб, пожалуй что за всю ярмарку, пять аршин ситцу куплено, а разговору!..

Широкоплечий махнул рукой и молча налил себе чашку чаю.

– И какие продувные эти бабы! – продолжал он, проворно выхлебав первое блюдечко чаю. – У меня баба уж почитай что в преклонные годы входит, а все о ситцах беспокоится! И что же выдумала? Сама по лавкам мается, покою не найдет, оторваться не может, а меня послала свои холсты продавать... Обмотала всего, обвешала, например, как чучелу какую, – «поди, говорит, по лавкам, продай мои холсты, покричи»... И так она меня оплела разговором, умаслила, урезонила, опутался я истинно наподобие какого дурака и пошел ведь, ей-богу пошел!.. Сама толчется, ищет аршин подешевле, а мне все покрикивает: «Как можно подороже! Не продавай зря; как можно чтоб больше денег с купцов бери!» Ночью – ей-ей, сам слышал! – стала на коленки перед образом: «Господи, говорит, боже милостивый! угодники мои праведные! божия мать! помолитесь перед господом, чтобы холсты мои подороже бы всех! дороже чтобы хоть на один грош, а чтобы дороже бы, божия моя мать, сотвори для меня, рабе!» Ну – едва не лопнул я со смеху! а ведь уж у самой дочери невесты. Поди вот, искорени из нее! А как я не вытерпел дураком-то по базару шляться, да сбухал холсты-то первому встречному, так что мне было!.. Узнала, распытала, почем прочие свои холсты продали, и вызнала так, что я грош на каждый аршин убытку взял, так она как малый ребенок ревела... «Злодей ты! говорит: кровопивец!» Эво как!

При этих словах хозяин, лицо которого как-то вдруг засияло веселой, хотя попрежнему сконфуженной, улыбкой,

обернулся опять к своей жене; она давно уже перестала кормить ребенка и сидела за люлькой молча, повидимому пристально вслушиваясь в речи широкоплечего. Хозяин, оглянувшись на жену, как будто бы шутливо спрашивал ее своим взглядом:

«Что, небось смешно? А сама-то разве не так же колобродишь?..»

Жена поняла этот взгляд, но отвечала на него не вдруг. Она несколько секунд молча и серьезно смотрела прямо в глаза мужа и потом медленно, негромко проговорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.